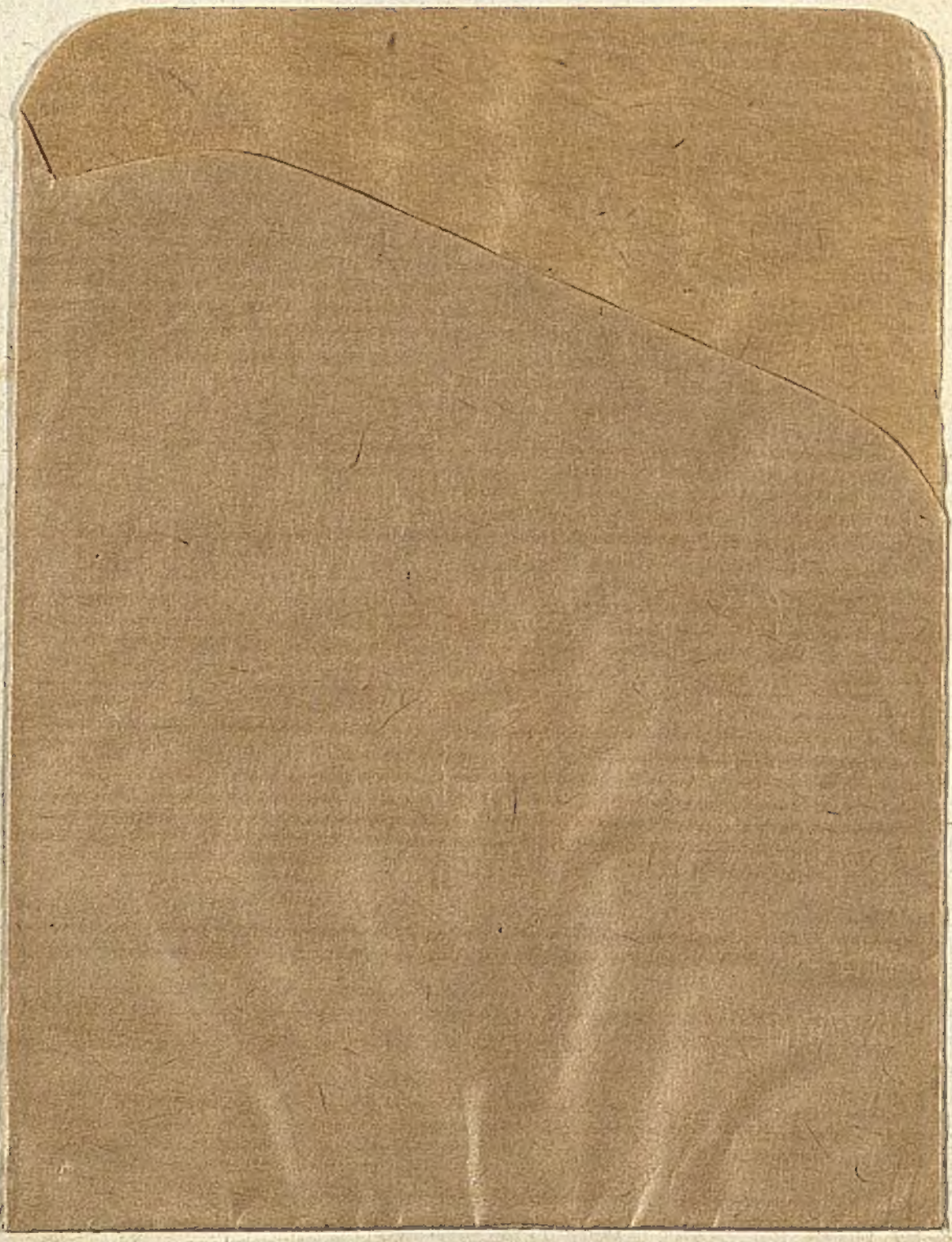
947.08
T-53

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
Г. А. Горшкова
въ Дмитровѣ.



Московскаго Губернскаго
БИБЛІОТЕКА
Жандармскаго Управленія

БИБЛІОТЕКА
КООПЕРАТИВНАГО
ИНСТИТУТА
ВСЕРОСС. КООПЕР. СЪѢЗДОВЪ
№ 1823-11

Ко

Л. Толстой

ЭК

ПО УСМИРЕНІЮ

КРЕСТЬЯНСКИХЪ БЕЗПОРЯДКОВЪ

60793
10 к.
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Московск. Обл. Библиотеки
94708
Т53

МОСКВА,
Типографія С. П. Семенова. Москва, Чистые пруды, домъ Поллакъ.
1906.

Дозволено цензурою. Г. Ростовъ на Дону. 18 августа 1905 г.

ГОЛОСЪ

9-го сентября мнѣ случилось ѣхать по желѣзной дорогѣ въ мѣстность голодавшихъ въ прошломъ году и еще сильнѣе голодающихъ въ нынѣшнемъ году крестьянъ Тульской и Рязанской губерній. На одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, съѣхался съ экстреннымъ поѣздомъ, везшимъ подъ предводительствомъ губернатора войска съ ружьями, боевыми патронами и розгами для истязанія и убійства этихъ самыхъ голодающихъ крестьянъ.

Истязаніе людей розгами для приведенія въ исполненіе рѣшенія власти, не смотря на то, что тѣлесное наказаніе отмѣнено закономъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ послѣднее время все чаще и чаще стало примѣняться въ Россіи.

Я слыхалъ про это, читалъ даже въ газетахъ про страшныя истязанія, которыми какъ будто хвастался Нижегородскій губернаторъ Барановъ, про истязанія, происходившія въ Черниговѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Астраханѣ, Орлѣ, но ни разу мнѣ не при

ходилось, какъ теперь, видѣть людей въ процессѣ исполненія этихъ дѣлъ.

И вотъ я увидалъ воочію русскихъ, добрыхъ, и проникнутыхъ христіанскимъ духомъ людей съ ружьями и розгами, ѣдущими убивать и истязать своихъ голодныхъ братьевъ.

Поводъ, по которому они ѣхали, былъ слѣдующій:

Въ одномъ изъ имѣній богатаго землевладѣльца крестьяне выростили на общемъ съ помѣщикомъ выгонѣ лѣсъ (выростили, т. е. оберегали во время его роста) и всегда пользовались имъ, и потому считали этотъ лѣсъ своимъ или, по крайней мѣрѣ, общимъ; владѣлецъ же присвоивъ себѣ этотъ лѣсъ, началъ рубить его. Крестьяне подали жалобу. Судья первой инстанціи неправильно (я говорю-неправильно съ словъ прокурора и губернатора, людей, которые должны знать дѣло) рѣшилъ дѣло въ пользу помѣщика. Всѣ дальнѣйшія инстанціи, въ томъ числѣ и сенатъ, хотя и могли видѣть, что дѣло рѣшено неправильно, утвердили рѣшеніе и лѣсъ присужденъ помѣщику. Помѣщикъ началъ рубить лѣсъ, но крестьяне, не могущіе вѣрить тому, чтобы такая очевидная несправедливость могла быть совершена надъ ними высшею властью, не покорились рѣшенію и прогнали присланныхъ рубить лѣсъ работниковъ, объявивъ, что лѣсъ принадлежитъ имъ и они дойдутъ до царя, но не дадутъ рубить лѣса.

О дѣлѣ донесено въ Петербургъ, откуда

было предписано губернатору привести рѣшеніе суда въ исполненіе. Губернаторъ потребовалъ войско. И вотъ, солдаты, вооруженные ружьями со штыками, боевыми патронами, кромѣ того съ запасомъ розогъ, нарочно приготовленныхъ для этого случая и везомыхъ въ одномъ изъ вагоновъ, ѣдутъ приводить въ исполненіе это рѣшеніе высшей власти.

Приведеніе же въ исполненіе рѣшенія высшей власти совершается убійствомъ, истязаніемъ людей или угрозой того или другого, смотря по тому, окажутъ или не окажутъ они сопротивленіе.

Въ первомъ случаѣ, если крестьяне оказываютъ сопротивленіе, совершается въ Россіи (то же самое совершается вездѣ, гдѣ только есть государственное устройство и право собственности)—совершается слѣдующее: начальникъ говоритъ рѣчь и требуетъ покорности. Возбужденная толпа, ничего не понимаетъ изъ того, что говоритъ чиновничьимъ, книжнымъ языкомъ представитель власти, и продолжаетъ волноваться. Тогда начальникъ объявляетъ, что если они не покорятся и не разойдутся, то онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ оружію. Если толпа и при этомъ не покоряется и не расходится, начальникъ приказываетъ заряжать ружья и стрѣлять черезъ головы толпы. Если толпа и при этомъ не расходится; начальникъ приказываетъ стрѣлять прямо въ толпу, въ кого попало, и солдаты стрѣля-

ютъ, и по улицѣ падаютъ раненые и убитые люди, и тогда толпа обыкновенно разбѣгается, и войска по приказанію начальниковъ захватываютъ тѣхъ, которые представляются имъ главными зачинщиками, и отводятъ ихъ подъ стражу.

Послѣ этого подбираютъ окровавленныхъ, умирающихъ, изуродованныхъ, убитыхъ и раненыхъ мужчинъ, иногда женщинъ, дѣтей; мертвыхъ хоронятъ, а изуродованныхъ отсылаютъ въ больницу. Тѣхъ же, которыхъ считаютъ зачинщиками, везутъ въ городъ и судятъ особеннымъ военнымъ судомъ. И если съ ихъ стороны было насиліе, приговариваютъ къ повѣшенію. И тогда ставятъ висѣлицу и душатъ веревками нѣсколько беззащитныхъ людей, какъ это дѣлалось много разъ въ Россіи, какъ это дѣлается и не можетъ не дѣлаться вездѣ, гдѣ общественный строй стоитъ на насиліи. Такъ это дѣлается въ случаѣ сопротивленія.

Во второмъ же случаѣ, въ случаѣ покорности крестьянъ, совершается нѣчто особенное и спеціально русское. Совершается слѣдующее: Губернаторъ, пріѣхавъ на мѣсто дѣйствія, произноситъ рѣчь народу, упрекая его за его непослушаніе или становитъ войско по дворамъ деревни, гдѣ солдаты въ продолженіи мѣсяца иногда разоряютъ своимъ постоемъ крестьянъ, или удовлетворившись угрозой, милостиво прощаетъ народъ и уѣзжаетъ, или, что бываетъ чаще всего, объявляетъ ему, что зачинщики за это дол-

жны быть наказаны и произвольно безъ суда отбираетъ извѣстное количество людей, признанныхъ, зачинщиками и въ своемъ присутствіи производитъ надъ ними истязанія.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ совершаются эти дѣла, опишу такое дѣло, совершенное въ Орлѣ и получившее одобреніе высшей власти.

Совершилось въ Орлѣ слѣдующее: точно такъ же, какъ здѣсь, въ Тульской губерніи, помѣщикъ пожелалъ отнять собственность крестьянъ, и точно такъ же крестьяне воспротивились этому. Дѣло было въ томъ, что владѣлецъ безъ согласія крестьянъ пожелалъ держать на своей мельницѣ воду на томъ высокомъ уровнѣ, при которомъ заливались ихъ луга. Крестьяне воспротивились этому. Помѣщикъ принесъ жалобу земскому начальнику. Земскій начальникъ незаконно (какъ это впослѣдствіи признано и судомъ) рѣшилъ дѣло въ пользу помѣщика, разрѣшивъ ему поднять воду. Помѣщикъ послалъ рабочихъ прудить канаву, черезъ которую спускалась вода. Крестьяне возмутились этимъ неправильнымъ рѣшеніемъ и выслали своихъ женщинъ для того, чтобы помѣшать рабочимъ помѣщика прудить канаву. Женщины вышли на плотину, перевернули телѣги и прогнали рабочихъ. Помѣщикъ подалъ жалобу на женщинъ за самоуправство. Земскій начальникъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы посадить во всей деревнѣ изъ каждаго двора по одной женщинѣ въ тюрьму („хо-

лодную“). Рѣшеніе было неудобоисполнимое; такъ какъ въ каждомъ дворѣ было нѣсколько женщинъ: нельзя было знать, какая подлежитъ аресту, и потому полиція не приводила рѣшеніе въ исполненіе. Помѣщикъ пожаловался губернатору на неисполнительнось полиціи. И губернаторъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, строго приказалъ исправнику немедленно привести въ исполненіе рѣшеніе земскаго начальника. Повинуясь высшему начальству, исправникъ пріѣхалъ въ деревню и съ свойственнымъ русской власти неуваженіемъ къ людямъ приказалъ полицейскимъ забрать изъ каждаго дома по одной женщинѣ. Но такъ какъ въ каждомъ домѣ было болѣе одноїї женщины и нельзя было знать которая подлежитъ заключенію, начались споры и сопротивленіе. Не смотря на эти споры и сопротивленіе, исправникъ приказалъ хватать женщинъ по одной изъ двора, какая попадется, и вести въ мѣсто заключенія. Мужики стали защищать своихъ женъ и матерей, не дали ихъ и при этомъ побили полицейскихъ и исправника. Явилось новое страшное преступленіе: сопротивленіе власти; и объ этомъ новомъ преступленіи донесено въ городъ. И вотъ губернаторъ, точно такъ же какъ теперь ѣхалъ Тульскій губернаторъ, съ батальономъ солдатъ, съ ружьями и розгами, пользуясь и телеграфами и телефонами и желѣзными дорогами, на экстренномъ поѣздѣ, съ ученымъ докторомъ, который долженъ былъ слѣдить за гигіенично-

стью сѣченія, олицетворяя вполнѣ предсказаннаго Герценомъ Чпнчисъ-хана съ телеграфами, пріѣхалъ на мѣсто дѣйствія.

У волостного правленія стояло войско, отрядъ городовыхъ съ красными шнурками, на которыхъ висятъ револьверы, и собранныя должностныя лпца изъ крестьянъ, и обвиняемые. Кругомъ стояла толпа народа въ 1000 илп болѣе человѣкъ. Подъѣхавъ къ волостному правленію, губернаторъ вышелъ изъ коляски, произнесъ приготовительную рѣчь и потребовалъ виноватыхъ и скамейку. Требованіе это было не понято сначала. Но городовой, котораго губернаторъ всегда возилъ съ собой и который занимался организаціей истязаній, уже неоднократно совершавшихся въ губерніи, объяснилъ, что это значило скамейку для сѣченія. Принеслп скамейку, прпнесли привезенныя съ собой розги и вызвали палачей. Палачи уже впередъ былп заготовлены изъ конокрадовъ тої же деревнп, такъ какъ военные отказались исполнять эту должность.

Когда все было готово, начальникъ велѣлъ выйти первому изъ тѣхъ 12 человѣкъ, на которыхъ указалъ помѣщикъ, какъ на самыхъ виноватыхъ. Первый вышедшій былъ отецъ семейства, уважаемый въ обществѣ сорокалѣтній человѣкъ, мужественно отстаивавшій права общества и потому пользовавшійся уваженіемъ жителей. Его подвели къ скамьѣ, обнажили его и велѣли ему ложиться.

Крестьянинъ пробовалъ молить о пощадѣ,

но увидавъ, что это безполезно, перекрестился и легъ. Двое городовыхъ бросились держать его. Ученый докторъ стоялъ тутъ же, въ готовности оказать нужную медицинскую научную помощь. Острожники, поплевавъ въ руки, взмахнули розгами и начали бить. Оказалось, однако, что скамейка была слишкомъ узка и трудно было удержать на ней корчившагося истязуемаго. Тогда губернаторъ велѣлъ принести другую скамью и подмостить доску. Люди, прикладывая руки къ козырьку и приговаривая: „слушаю, ваше превосходительство“, поспѣшно и покорно исполнили приказаніе; между тѣмъ, полуобнаженный, блѣдный истязуемый человѣкъ, нахмуривъ брови и глядя въ землю, дрожа челюстью и оголенными ногами, дожидался. Когда приставлена была другая скамья, его опять положили и конокрады начали опять бить его. Все больше и больше покрывалась рубцами и кровоподтеками спина, ягодицы, ляжки и даже бока истязуемаго, и за каждымъ ударомъ раздавались глухіе звуки, которыхъ не могъ сдержать истязуемый. Изъ толпы, стоявшей вокругъ, слышались вопли женъ, матерей, дѣтей, родныхъ истязуемаго и всѣхъ тѣхъ, которые были отобраны для наказанія.

Несчастный, опьяненный властью губернаторъ, которому казалось, что онъ не могъ поступать иначе, загибая пальцы, считалъ удары и, не переставая курилъ папироски, для закуриванія которыхъ нѣсколько услуж-

ливыхъ людей всякій разъ торопились поднести ему зажженную спичку. Когда дано было болѣе 50 ударовъ, крестьянинъ пересталъ кричать и шевелиться, и докторъ, воспитанный въ казенномъ заведеніи для служенія своими научными знаніями своему государю и отечеству, подошелъ къ истязуемому, пощупалъ пульсъ, послушалъ сердце и доложилъ представителю власти, что наказываемый потерялъ сознаніе и что по даннымъ науки продолжать наказаніе можетъ быть опаснымъ для его жизни. Но несчастный губернаторъ, уже совершенно опьяненный видомъ крови, велѣлъ продолжать, и истязаніе продолжалось до 70 ударовъ, того количества, до котораго ему почему то казалось нужнымъ довести количество ударовъ. Когда данъ былъ 70-й ударъ, губернаторъ сказалъ: „Довольно! Слѣдующаго!“ И изуродованнаго человѣка съ вспухшей спиной и потерявшаго сознаніе подняли и снесли и привели другого. Рыданія и стоны толпы усиливались. Но представитель государственной власти продолжалъ истязаніе.

Также били 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 12-го,—каждаго по 70 ударовъ. Всѣ они молили о пощадѣ, стонали, кричали. Рыданія и стоны толпы женщинъ все становились громче и громче и раздирательнѣе, и все мрачнѣе и мрачнѣе становились лица мужчинъ. Но кругомъ стояли войска и истязаніе не остановилось до тѣхъ поръ, пока не совершено было дѣло

въ той самой мѣрѣ, въ которой оно представлялось почему то необходимымъ капризу несчастнаго, полупьянаго, заблудшаго человѣка, называемаго губернаторомъ.

Чиновники, офицеры, солдаты, не только присутствовали при этомъ, но своимъ присутствіемъ участвовалп въ этомъ дѣлѣ и охраняли отъ нарушенія со стороны толпы порядокъ совершенія этого государственнаго акта.

Когда я спрашивалъ у одного изъ губернаторовъ, для чего производятъ эти истязанія надъ людьми, когда они уже покорились и войска стоятъ въ деревнѣ, онъ съ значительнымъ видомъ человѣка, познавшаго всѣ тонкости государственной мудрости, отвѣчалъ мнѣ, что это дѣлается потому, что опытомъ дознано, что если крестьяне не подвергнуты истязанію, то они опять начнутъ противодѣйствовать распоряженію власти. Совершенное же истязаніе надъ нѣкоторыми закрѣпляетъ уже навсегда рѣшеніе власти.

И вотъ теперь тульскій губернаторъ съ чиновниками, офицерами и солдатами ѣхалъ совершать такое же дѣло. Точно такъ же, т. е. убійствомъ или истязаніемъ, должно было привести въ исполненіе рѣшеніе высшей власти, состоящей въ томъ, чтобы молодой малый, помѣщикъ, имѣющій 100 тысячъ годового дохода, могъ получить еще 3000 рублей за лѣсъ, мошеннически отнятый имъ у цѣлаго общества голодныхъ и холодныхъ крестьянъ, и могъ промотать эти

деньги въ двѣ-три недѣли въ трактирахъ Москвы, Петербурга или Парижа. На такое именно дѣло ѣхали теперь тѣ люди, которыхъ я встрѣтилъ.

Судьба какъ нарочно, послѣ двухъ-лѣтняго моего напряженія мысли все въ одномъ и томъ же направленіи, натолкнула меня въ первый разъ въ жизни на это явленіе, показавшее мнѣ съ полной очевидностью на практикѣ то, что для меня давно выяснилось въ теоріи, а именно то, что все устройство нашей жизни зиждется не на какихъ-либо, какъ это любятъ себѣ представлять люди, пользующіеся выгоднымъ положеніемъ въ существующемъ порядкѣ вещей, юридическихъ началахъ, а на самомъ простомъ грубомъ насиліи, на убійствахъ и истязаніяхъ людей.

Люди, владѣющіе большимъ количествомъ земель и капиталовъ, или получающіе большія жалованія, собранныя съ нуждающагося въ самомъ необходимомъ рабочаго народа, равно и тѣ, какъ купцы, доктора, художники, приказчики, ученые, кучера, повара, писатели, лакеи, адвокаты кормятся около этихъ богатыхъ людей, любятъ вѣрить въ то, что тѣ преимущества, которыми они пользуются, происходятъ не вслѣдствіе насилія, а вслѣдствіе совершенно свободнаго и правильнаго обмѣна услугъ, и что преимущества эти не только не происходятъ отъ совершаемыхъ надъ людьми побоевъ и убійствъ, какъ тѣ, которые происходили въ

Орлѣ и во многихъ мѣстахъ въ Россіи нынѣшнимъ лѣтомъ и происходятъ постоянно во всей Европѣ и Америкѣ, но не имѣютъ даже съ этими насиліями никакой связи. Они любятъ вѣрить въ то, что преимущества, которыми они пользуются, существуютъ сами по себѣ и происходятъ по добровольному согласію людей, а насилія, совершаемыя надъ людьми, существуютъ тоже сами по себѣ и происходятъ по какимъ — то общимъ и высшимъ юридическимъ, государственнымъ и экономическимъ законамъ. Люди эти стараются не видѣть того, что они пользуются тѣми преимуществами, которыми они пользуются, всегда только вслѣдствіе того же самаго, вслѣдствіе чего теперь будутъ принуждены крестьяне, выростившіе лѣсъ и крайне нуждающіеся въ немъ, отдать его, не оказавшему никакого участія въ его обереганіи во время роста и не нуждающемуся въ немъ, богатому помѣщику, то есть вслѣдствіе того, что если они не отдадутъ этотъ лѣсъ, ихъ будутъ бить или убивать.

А между тѣмъ, если совершенно ясно, что Орловская мельница стала приносить большій доходъ помѣщику, и лѣсъ, выращенный крестьянами, передается помѣщику только вслѣдствіе побоевъ и убійствъ или угрозъ ихъ, то точно такъ же должно бы быть ясно, что и всѣ другія исключительныя права богатыхъ, лишающихъ бѣдныхъ необходимаго, должны быть основаны на томъ же. Если, нуждающіеся въ землѣ для пропитанія

своихъ семей, крестьяне не пашутъ ту землю, которая у нихъ подъ дворами, а землей этой въ количествѣ, могущемъ накормить 1000 семей, пользуется одинъ человѣкъ— русскій, англійскій, австрійскій или какой бы то ни было крупный землевладѣлецъ,— не работающій на этой землѣ, и если, закупившій въ нуждѣ у земледѣльцевъ хлѣбъ, купецъ можетъ безопасно держать этотъ хлѣбъ въ своихъ амбарахъ, среди голодающихъ людей и продавать его въ три-дорога тѣмъ же земледѣльцамъ, у которыхъ онъ купилъ его втрое дешевле, то очевидно, что это происходитъ по тѣмъ же причинамъ. И если не можетъ одинъ человѣкъ купить у другого продаваемаго ему изъ-за извѣстной условной черты, названной границей, дешеваго товара, не заплативъ за это таможенной пошлины людямъ, не имѣвшимъ никакого участія въ производствѣ товара; — и если не могутъ люди не отдавать послѣдней коровы на подати, раздаваемыя правительствомъ своимъ чиновникамъ и употребляемыя на содержаніе солдатъ, которые будутъ убивать этихъ самыхъ плательщиковъ, то, казалось-бы, очевидно, что и это сдѣлалось никакъ не вслѣдствіе какихъ-либо отвлеченныхъ правъ, а вслѣдствіе того самаго, что совершилось въ Орлѣ и что можетъ совершиться теперь въ Тульской губерніи и періодически въ томъ или другомъ видѣ совершается во всемъ мірѣ, гдѣ есть государственное устройство и есть богатые и бѣдные.

Вслѣдствіе того, что не при всѣхъ насильственныхъ отношеніяхъ людей совершаются истязанія и убійства, люди, пользующіеся исключительными выгодами правящихъ классовъ, увѣряютъ себя и другихъ, что выгоды, которыми они пользуются, происходятъ не отъ истязаній и убійствъ, а отъ какихъ то другихъ таинственныхъ общихъ причинъ, отвлеченныхъ правъ и т. п. А между тѣмъ, казалось бы, ясно, что если люди, считая это несправедливымъ, (какъ это считаютъ теперь всѣ рабочіе), отдаютъ главную долю своего труда капиталисту, землевладѣльцу и платятъ подати, зная, что подати эти употребляются дурно, то дѣлаютъ они это прежде всего не по сознанію какихъ то отвлеченныхъ правъ, о которыхъ они никогда и не слыхали, а только потому, что знаютъ, что ихъ будутъ бить и убивать, если они не сдѣлаютъ этого.

Если же не всякій разъ приходится сажать въ тюрьму, бить и убивать людей, когда собирается землевладѣльцемъ аренда за землю и нуждающійся въ хлѣбѣ платитъ обманувшему его купцу тройную цѣну и фабричный довольствуется платой пропорціонально вдвое меньшей дохода хозяина, и когда бѣдный человѣкъ отдаетъ послѣдній рубль на пошлину и подати, то происходитъ это отъ того, что людей уже такъ много били и убивали за ихъ попытки не дѣлать того, чего отъ нихъ требуется, что они твердо помнятъ это. Какъ усмиренный тигръ

114393

въ клѣткѣ не беретъ мяса, которое ему положено подъ морду и не лежитъ спокойно, а прыгаетъ черезъ палку, когда ему велятъ дѣлать это, не потому, что ему хочется дѣлать это, а потому что онъ помнитъ раскаленный желѣзный прутъ или голодъ, которому онъподвергался каждый разъ, когда не повиновался; точно такъ же и люди, подчиняющіеся тому, что имъ не выгодно, даже губительно для нихъ, и что они считаютъ несправедливымъ, дѣлаютъ это потому, что они помнятъ то, что бывало имъ за противодѣйствіе этому.

6093

Люди же, пользующіеся преимуществами, произведенными давишними насиліями, часто забываютъ и любятъ забывать то, какъ пріобрѣтены эти преимущества. А между тѣмъ стоитъ только вспомнить исторію, не исторію успѣховъ разныхъ династій властителей, а настоящую исторію, исторію угнетенія малымъ числомъ людей большинства, для того, чтобы увидать, что основы всѣхъ преимуществъ богатыхъ надъ бѣдными, всѣ произошли ни отъ чего другого, какъ отъ розогъ, тюремъ, каторгъ, убійствъ.

Стоитъ только подумать о томъ непереставющемъ упорномъ стремленіи всѣхъ людей къ увеличенію своего благосостоянія, которымъ руководятся люди нашего времени, для того, чтобы убѣдиться, что преимущества богатыхъ надъ бѣдными ничѣмъ инымъ не могли и не могутъ быть поддерживаемы.

Могутъ быть угнетенія, побои, тюрьмы,

казни, не имѣющія цѣлью преимущества богатыхъ классовъ (хотя это очень рѣдко), но смѣло можно сказать, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ на каждаго достаточнаго, по господски живущаго человѣка приходится 10 измученныхъ работой, завистливыхъ, жадныхъ и часто прямо со своими семьями страдающихъ рабочихъ, всѣ преимущества богатыхъ вся роскошь ихъ, все то, чѣмъ лишнимъ пользуются богатые противъ средняго рабочаго, все это пріобрѣтено и поддерживаемо только истязаніями, заключеніями, казнями.

2.

Встрѣченный мною 9-го сентября поѣздъ, ѣдующій съ солдатами, ружьями, боевыми патронами и розгами къ голоднымъ крестьянамъ для того, чтобы утвердить за богатымъ помѣщикомъ отнятый имъ у крестьянъ небольшой лѣсъ, не нужный ему и страшно нужный крестьянамъ съ поразительной очевидностью доказывалъ, до какой степени выработалась въ людяхъ способность совершать самыя противныя ихъ убѣжденіямъ и совѣсти дѣла, не видя этого.

Экстренный поѣздъ, съ которымъ я съѣхался, состоялъ изъ одного вагона 1-го класса для губернатора, чиновниковъ и офицеровъ и изъ нѣсколькихъ товарныхъ вагоновъ, набитыхъ солдатами.

Молодцоватые молодые ребята солдаты въ своихъ новыхъ чистыхъ мундирахъ толпились стоя или спустивъ ноги, сидя въ раз-

двинутыхъ широкихъ дверяхъ товарныхъ вагоновъ. Одни курили, другіе толкались, шутили, смѣялись, оскаливали зубы, третьи щелкали сѣмячки, самоувѣренно выплевывая ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣгали по платформѣ къ кадкѣ съ водой, чтобы напиться, и, встрѣчая офицеровъ, умѣряя шагъ, дѣлали свои глупые жесты прикладыванія руки ко лбу и съ серьезными лицами, какъ будто дѣлали что—то не только разумное, но и очень важное, проходили мимо ихъ, провожая ихъ глазами и потомъ еще веселѣе пускались рысью, топая по доскамъ платформы, смѣясь и болтая, какъ это свойственно здоровымъ, добрымъ молодымъ ребятамъ, переѣзжающимъ въ веселой компаніи изъ одного мѣста въ другое.

Они ѣхали на убійство своихъ голодныхъ отцовъ и дѣдовъ, точно какъ будто на какое-нибудь веселое или по крайней мѣрѣ на самое обыкновенное дѣло.

Такое же впечатлѣніе производили и нарядные чиновники и офицеры, разсыпанные по платформѣ и залѣ 1-го класса. У стола, уставленнаго бутылками, въ своемъ полувоенномъ мундирѣ сидѣлъ губернаторъ, начальникъ всей экспедиціи, и ѣлъ что—то и спокойно разговаривалъ о погодѣ съ встрѣтившимися знакомыми, какъ будто дѣло, на которое онъ ѣхалъ, было такое простое и обыкновенное, что оно не могло нарушить его спокойствія и интереса къ перемѣнѣ погоды.

Поодаль отъ стола, не принимая пищи,

сидѣлъ жандармскій генералъ съ непроницаемымъ, но унылымъ видомъ, какъ будто тяготясь надоѣвшей ему формальностью. Со всѣхъ сторонъ двигались и шумѣли офицеры въ своихъ красивыхъ, украшенныхъ золотомъ мундирахъ: кто, сидя за столомъ, допивалъ бутылку пива, кто, стоя у буфета, разжевывалъ закусочный пирожокъ, отряхивалъ крошки, упавшія на грудь мундира, и самоувѣреннымъ жестомъ кидалъ монету; кто, подрагивая на каждой ногѣ, прогуливался передъ вагонами нашего поѣзда, заглядывая на женскія лица.

Всѣ эти люди, ѣхавшіе на убійство или истязаніе голодныхъ и беззащитныхъ, тѣхъ самыхъ людей, которые кормятъ ихъ, имѣли видъ людей, которые твердо знаютъ, что они дѣлаютъ то, что нужно дѣлать, и даже нѣсколько гордятся, „куражатся“, дѣлая это дѣло. Что же это такое?

Всѣ эти люди находятся въ получасѣ ѣзды отъ того мѣста, гдѣ они, для того, чтобы доставить богатому малому ненужныя ему 3000, отнятыя имъ у цѣлаго общества голодныхъ крестьянъ, могутъ быть вынуждены начать дѣлать дѣла самыя ужасныя, какія только можно себѣ представить, могутъ начать избивать или истезать такъ же, какъ въ Орлѣ. невинныхъ людей, своихъ братьевъ, и они спокойно приближаются къ тому мѣсту и времени, гдѣ и когда это можетъ начаться.

Сказать, что люди эти, всѣ эти чиновники,

офицеры и солдаты, не знаютъ того, что имъ предстоитъ и на что они ѣдутъ,—нельзя, потому что они готовились къ этому. Губернаторъ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о розгахъ, чиновники должны были покупать березовыя прутья, торговаться и вписывать эту статью въ расходъ. Военные отдавали и получали, и исполняли приказанія о боевыхъ патронахъ. Всѣ они знаютъ, что они ѣдутъ истязать, а можетъ быть, и убивать своихъ замученныхъ голодомъ братьевъ и что начнутъ дѣлать это, можетъ быть, черезъ часъ.

Сказать, что они это дѣлаютъ изъ убѣжденія, какъ это обыкновенно говорятъ, и они сами повторяютъ,—изъ убѣжденія въ необходимости поддержанія государственнаго устройства, было бы несправедливо, во-первыхъ, потому, что всѣ эти люди едва-ли когда-нибудь даже думали о государственномъ устройствѣ и о необходимости его; во вторыхъ, никакъ не могутъ они быть убѣждены, что бы то дѣло, въ которомъ они участвуютъ, служило бы поддержанію, а не разрушенію государства, а въ третьихъ, въ дѣйствительности большинство этихъ людей, если не всѣ, не только не пожертвуютъ никогда своимъ спокойствіемъ и радостью для поддержанія государства, но никогда не пропустятъ случая воспользоваться для своего спокойствія и радости всѣмъ, чѣмъ только можно, въ ущербъ государству. Стало быть,

не изъ за отвлеченнаго принципа государства они дѣлаютъ это.

Что же это такое?

Вѣдь, всѣхъ этихъ людей я знаю. Если не знаю лично всѣхъ, то знаю приблизительно ихъ характеры, ихъ прошедшее, образъ мыслей. Вѣдь у всѣхъ ихъ есть матери, у нѣкоторыхъ есть жены, дѣти. Вѣдь все это, большею частью, по сердцу добрые, кроткіе, часто нѣжные люди, ненавидящіе всякую жестокость, не говоря уже объ убійствѣ людей, не могущіе, многіе изъ нихъ совершать убійства и истязанія животныхъ; кромѣ того, все это люди, исповѣдующіе христіанство и считающіе насиліе надъ беззащитными людьми гнуснымъ и постыднымъ дѣломъ. Вѣдь, ни одинъ изъ этихъ людей въ обыкновенной жизни не только не въ состояніи сдѣлать ради своей маленькой выгоды одну сотую того, что сдѣлалъ орловскій губернаторъ надъ людьми, но каждый изъ нихъ обидится если предположить о немъ, что онъ можетъ въ частной жизни совершать что-нибудь подобное.

А между тѣмъ, вотъ, они въ получасѣ ѣзды отъ того мѣста, гдѣ они могутъ быть неизбѣжно приведены къ необходимости дѣлать это.

Что же это такое? Но не только эти люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ и готовые на убійства и истязанія, но какъ могли тѣ люди, отъ которыхъ началось все дѣло; помѣщикъ, управляющій, судья и тѣ, которые изъ Петербурга предписали это дѣло и участвуютъ въ немъ своими распоряженіями,

какъ могли эти люди: министръ, государь, тоже добрые, исповѣдующіе христіанство люди, какъ могли они затѣять и предписать такое дѣло, зная его послѣдствія? Какъ могутъ даже не участвующіе въ этомъ дѣлѣ зрители, возмущающіеся всякимъ частнымъ случаемъ насилія, даже истязаніемъ лошади,—допускать совершеніе такого ужаснаго дѣла? какъ могутъ они не возмутиться противъ него, не стать поперекъ дороги и не закричать: „нѣтъ, этого, убивать и сѣчь голодныхъ людей за то, что они не отдаютъ мошеннически отнимаемое у нихъ послѣднее достояніе—этого мы не позволимъ!“ Но не только никто этого не дѣлаетъ, но, напротивъ, большинство людей, даже тѣ люди, которые были заводчиками дѣла, какъ управляющій, помѣщикъ, судья и тѣ, которые были участниками и распорядителями его, какъ губернаторъ, министръ, государь совершенно спокойно и даже не чувствуютъ укоровъ совѣсти. Также, повидимому, спокойны и всѣ эти люди, ѣдущіе совершать это злодѣяніе.

Зрители, казалось бы, ничѣмъ не заинтересованные въ дѣлѣ, и тѣ, большею частью скорѣе съ сочувствіемъ, чѣмъ съ неодобреніемъ смотрѣли на всѣхъ тѣхъ людей, готовящихся къ совершенію этого гадкаго дѣла. Въ одномъ со мной вагонѣ ѣхалъ купецъ, торговецъ лѣсомъ, изъ крестьянъ, онъ прямо и громко выразилъ сочувствіе тѣмъ истязаніямъ, которыя предполагались надъ

крестьянами: „нельзя не повиноваться начальству“, говорилъ онъ, „на то начальство. Вотъ, даїй срокъ, повыгонятъ блохъ. Небось, бросятъ бунтовать. Такъ имъ и надо“.

Что же это такое?

Сказать, что всѣ эти люди: подстрекатели, участники, попустители этого дѣла такіе негодяи, что, зная всю мерзость того, что они дѣлаютъ, они—одни за жалованье, за выгоды, а другіе изъ-за страха наказанія дѣлаютъ дѣло, противное своимъ убѣжденіямъ,—тоже никакъ нельзя. Всѣ эти люди умѣютъ въ извѣстныхъ положеніяхъ постоять за свои убѣжденія. Ни одинъ изъ этихъ чиновниковъ не украдетъ кошелька, не прочтетъ чужого письма, не снесетъ оскорбленія, не потребовавъ, отъ оскорбленія удовлетворенія. Ни одинъ изъ этихъ офицеровъ не согласится передернуть въ картахъ, не заплатить карточный долгъ, выдать товарища, убѣжать съ поля сраженія, или бросить знамя. Ни одинъ изъ этихъ солдатъ не рѣшится выплюнуть причастія или даже съѣсть говядины въ Страстную пятницу. Всѣ люди эти готовы перенести всякаго рода лишенія, страданія, опасности скорѣе, чѣмъ согласиться сдѣлать дѣло, которое они считаютъ дурнымъ. Стало быть, есть въ этихъ людяхъ сила противодѣйствія, когда имъ приходится сдѣлать дѣло, противное ихъ убѣжденію.

Сказать, что всѣ эти люди такіе звѣри, что имъ свойственно и не больно дѣлать такія дѣла, еще менѣе возможно. Стоитъ

только поговорить съ этими людьми, чтобы увидать, что всѣ они, и помѣщикъ, и судья, и министръ, и царь, и губернаторъ, и офицеры, и солдаты, не только въ глубинѣ души не одобряютъ такія дѣла, но страдаютъ отъ сознанія своего участія въ нихъ, когда имъ напомнятъ о значеніи этого дѣла. Они только стараются не думать объ этомъ.

Стоитъ только поговорить съ ними, со всѣми участниками этого дѣла, отъ помѣщика до послѣдняго городового и солдата, чтобы увидать, что всѣ они, въ глубинѣ души знаютъ, что это дѣло дурное и что лучше бы было не участвовать въ немъ, и страдаютъ отъ этого.

Ѣхавшая съ нами въ одномъ поѣздѣ либеральная дама, увидавъ въ залѣ 1-го класс губернатора и офицеровъ, и узнавъ про цѣль ихъ поѣздки, начала нарочно, громко, такъ, чтобы они слышали, ругать порядки нашего времени и срамить людей, участвующихъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣмъ стало неловко. Всѣ не знали, куда смотрѣть, но никто не возражалъ ей. Ѣдущіе въ поѣздѣ дѣлали видъ, что не стоитъ возражать на такіе пустыя рѣчи Но было видно по лицамъ и бѣгающимъ глазамъ, что всѣмъ было стыдно. Это же я замѣтилъ и на солдатахъ. И они знали, что то дѣло, на которое они ѣхали,—дурное дѣло, но не хотѣли думать о томъ, что предстоитъ имъ.

Когда лѣсоторговецъ, и то какъ я думаю, неискренно, а только для того, чтобы пока-

зать свою цивилизованность, началъ говорить о томъ, какъ необходимы такія мѣры, то солдаты, слышавшіе его, всѣ отворачивались отъ него, дѣлая видъ, что не слышатъ и хмурились.

Всѣ эти люди, какъ тѣ, которые, какъ помѣщикъ, управляющій, министръ, царь, содѣйствовали совершенію этого дѣла, такъ же, какъ и тѣ, которые ѣдутъ теперь въ этомъ поѣздѣ, даже и тѣ, которые не участвуя въ этомъ дѣлѣ, видятъ со стороны совершеніе его, всѣ знаютъ, что дѣло это дурное и стыдятся своего участія въ немъ и даже присутствія при немъ.

Такъ зачѣмъ же они дѣлали, дѣлаютъ и терпятъ его?

Спросите объ этомъ и тѣхъ, которые, какъ помѣщикъ, затѣяли дѣло, и тѣхъ, которые, какъ судьи, постановили хотя и формально законное, но явно несправедливое рѣшеніе, и тѣхъ, которые, предписали исполненіе рѣшенія, и тѣхъ, которые,какъ солдаты, городовые и крестьяне, своими руками будутъ исполнять эти дѣла: бить и убивать своихъ братьевъ,—всѣ они, и подстрекатели, и пособники, и исполнители, и попустители этихъ преступленій, всѣ скажутъ въ сущности одно и тоже.

Начальствующіе, возбуждавшіе, содѣйствовавшіе дѣлу и распоряжавшіеся имъ, скажутъ, что дѣлаютъ то, что дѣлаютъ, потому что такія дѣла необходимы для поддержанія существующаго порядка; поддержаніе

же существующаго порядка необходимо для блага отечества, человѣчества, для возможности общественной жизни и движенія прогресса.

Люди низшихъ сословій, крестьяне, солдаты, тѣ, которые своими руками должны будутъ исполнять насплія, скажутъ, что они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ, потому что это предписано высшимъ начальствомъ, а высшее начальство знаетъ, что оно дѣлаетъ. То же, что начальство состоитъ изъ тѣхъ самыхъ людей, которые и должны быть начальствомъ, и знаетъ, что дѣлаетъ, представляется имъ несомнѣнной истпной. Если эти низшіе исполнители и допускаютъ возможность ошибкп плп заблужденія, то только въ низшихъ начальственныхъ лицахъ; высшая же власть, отъ которой исходитъ все, кажется имъ несомнѣнно непогрѣшимой.

Хотя и различно объясняя мотивы своей дѣятельности, и тѣ и другіе, какъ начальствующіе такъ и подчпняющіеся, сходятся въ томъ, что дѣлаютъ они то, что дѣлаютъ, потому что существующій порядокъ есть тотъ самый порядокъ, который необходимъ и долженъ существовать въ настоящее время и поддерживать который, поэтому, составляетъ священную обязанность каждаго.

На этомъ признаніи необходимости и потому неизмѣнности существующаго порядка зиждется и то, всегда, всѣми участниками государственныхъ насилій приводимое въ свое оправданіе разсужденіе о томъ, что

такъ какъ существующій порядокъ неизмѣненъ, то отказъ отдѣльнаго лица отъ исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей не измѣнитъ сущности дѣла, а можетъ сдѣлать только то, что на мѣстѣ отказавшагося будетъ другой человѣкъ, который и можетъ исполнить дѣло хуже, т. е. еще жесточе, еще вреднѣе для тѣхъ людей, надъ которыми производится насиліе.

Эта то увѣренность въ томъ, что существующій порядокъ есть необходимый и потому неизмѣнный порядокъ, поддерживать который составляетъ священную обязанность всякаго человѣка, и даетъ добрымъ, и въ частной жизни, нравственнымъ людямъ возможность участвовать съ болѣе или менѣе спокойной совѣстью въ такихъ дѣлахъ, какъ то, которое совершалось въ Орлѣ, и къ совершенію котораго готовились люди, ѣхавшіе въ Тульскомъ поѣздѣ.

Но на чемъ же основана эта увѣренность.

Понятно, что помѣщику пріятно и желательно вѣрить, въ то, что существующій порядокъ необходимъ и неизмѣненъ, потому что этотъ—то существующій порядокъ и обезпечиваетъ ему доходъ съ его сотенъ и тысячъ десятинъ, благодаря которому онъ ведетъ свою привычную, праздную и роскошную жизнь.

Понятно тоже, что судья охотно вѣритъ въ необходимость того порядка, вслѣдствіе котораго онъ получаетъ въ 50 разъ больше самаго трудолюбиваго чернорабочаго. Также

понятно это для высшаго судьи, получающаго 6 и болѣе тысячъ жалованья, и для всѣхъ высшихъ чиновниковъ. Только при этомъ порядкѣ, онъ, какъ губернаторъ, прокуроръ, сенаторъ, членъ разныхъ совѣтовъ, можетъ получать свои нѣсколько тысячъ жалованья, безъ которыхъ онъ тотъ-часъ же погибъ бы съ своей семьей, такъ какъ, кромѣ какъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ, онъ, по своимъ способностямъ, трудолюбію и знаніямъ, не могъ бы получать и одной тысячной части того, что онъ получаетъ. Въ томъ же положеніи и министръ, и государь, и всякая высшая власть, съ тою только разницей, что, чѣмъ они выше и чѣмъ исключительнѣе ихъ положеніе, тѣмъ имъ необходимѣе вѣрить въ то, что существующій порядокъ есть единственно возможный порядокъ, такъ какъ внѣ его они не только не могутъ получить равнаго положенія, но должны будутъ пасть ниже всѣхъ другихъ людей. Человѣкъ, поступившій вольнымъ наймомъ въ городовые за 10 рублей жалованья, которые онъ получитъ легко и во всякомъ другомъ мѣстѣ, мало нуждается въ сохраненіи существующаго порядка и потому можетъ и не вѣрить въ его неизмѣнность. Но король или императоръ, получающій на этомъ мѣстѣ милліоны, знающій, что вокругъ него есть тысячи людей, желающихъ скопнуть его и стать на его мѣстѣ, знающій, что онъ нигдѣ на другомъ мѣстѣ не получитъ такого дохода и почета, знающій въ большей части случа-

евъ, при болѣе или менѣе деспотическомъ правленіи, даже то, что, если его свергнутъ, его будутъ еще судить за все то, что онъ дѣлалъ, пользуясь своей властью; всякій король или императоръ не можетъ не вѣрить въ неизмѣнность и священность существующаго порядка. Чѣмъ выше то положеніе, на которомъ стоитъ человѣкъ, чѣмъ оно выгоднѣе и поэтому шатче, и чѣмъ страшнѣе и опаснѣе паденіе съ него, тѣмъ болѣе вѣритъ человѣкъ, занимающій это положеніе, въ неизмѣнность существующаго порядка, и поэтому съ тѣмъ большимъ спокойствіемъ совѣсти можетъ такой человѣкъ совершать какъ будто не для себя, а для поддержанія этого порядка, дѣла дурныя и жестокія.

Такъ это для всѣхъ начальствующихъ людей, занимающихъ положенія выгоднѣе тѣхъ, которыя они могли бы занять безъ существующаго порядка, начиная отъ низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, до высшей власти. Всѣ эти люди болѣе или менѣе вѣрятъ въ неизмѣнность существующаго порядка, потому, главное, что онъ выгоденъ имъ.

Но что заставляетъ крестьянъ, солдатъ, стоящихъ на низшей ступени лѣстницы, не имѣющихъ никакой выгоды отъ существующаго порядка, находящихся въ положеніи самаго послѣдняго подчиненія и униженія, вѣрить въ то, что существующій порядокъ, вслѣдствіе котораго они находятся въ своемъ невыгодномъ и униженномъ положеніи, и есть тотъ самый порядокъ, который дол-

женъ быть и который поэтому надо поддерживать, совершая для этого даже дурныя, противныя совѣсти дѣла?

Что заставляетъ этихъ людой дѣлать то ложное разсужденіе, что существующій порядокъ неизмѣненъ и потому должно поддерживать его, тогда какъ очевидно, что, напротивъ, онъ только, отъ того неизмѣненъ, что они—поддерживаютъ его?

Что заставляетъ вчера взятыхъ отъ сохи и наряженныхъ въ эти безобразныя, неприличныя съ голубыми воротниками и золотыми пуговицами одежды, ѣхать съ ружьями и саблями на убійство своихъ голодныхъ отцовъ и братьевъ? У этихъ уже нѣтъ никакихъ выгодъ и никакой опасности потерять занимаемое положеніе, потому что положеніе ихъ хуже того, изъ котораго они взяты.

Начальствующія лица высшихъ сословій: помѣщики, купцы, судьи, сенаторы, губернаторы, министры, цари, офицеры участвуютъ въ такихъ дѣлахъ, поддерживая существующій порядокъ, потому что этотъ порядокъ выгоденъ имъ. Кромѣ того, они, часто добрые, кроткіе люди, чувствуютъ себя въ состояніи участвовать въ такихъ дѣлахъ еще и потому, что участіе ихъ ограничивается подстрекательствами, рѣшеніями, разпоряженіями. Всѣ эти начальствующіе люди не сами дѣлаютъ то, что они вызываютъ, рѣшаютъ и приказываютъ дѣлать. Большею частью, они даже не видятъ того, какъ дѣ-

лаются всѣ тѣ страшныя дѣла, которыя ими вызваны и предписаны.

Но несчастные люди низшихъ сословій, не получающіе отъ существующаго порядка никакой выгоды, находящіеся, напротивъ, вслѣдствіе этого порядка въ величайшемъ презрѣніи, они то—для поддержанія этого невыгоднаго для нихъ порядка, сами своими руками вырывающіе людей изъ семей, вяжущіе ихъ, запирающіе, ихъ въ тюрьмы, каторги, стерегущіе, стрѣляюшіе ихъ,—зачѣмъ они дѣлаютъ это?

Что заставляетъ этихъ людей вѣрить въ то, что существующій порядокъ неизмѣненъ и что должно поддерживать его?

Вѣдь всякое насиліе зиждется только на нихъ, на этихъ людяхъ, которые своими руками бьютъ, вяжутъ, запираютъ, убиваютъ. Вѣдь если бы не было этихъ людей-солдатъ или полицейскихъ, вообще вооруженныхъ, готовыхъ по приказанію насиловать, убивать всѣхъ тѣхъ, кого имъ велятъ, ни одинъ изъ тѣхъ людей, которые подписываютъ приговоры казней, вѣчныхъ заключеній, каторгъ, никогда не рѣшился бы самъ повѣсить, запереть, замучать одну тысячную часть тѣхъ, которыхъ онъ теперь спокойно, сидя въ кабинетѣ, распоряжается вѣшать и всячески мучать только потому, что онъ этого не видитъ, а дѣлаетъ это не онъ, а гдѣ то, вдалекѣ, покорные исполнители.

Вѣдь, всѣ тѣ несправедливости и жестокости, вошедшія въ обычай существующей

жизни, вошли въ обычай только потому, что есть эти люди, всегда готовые поддерживать эти несправедливости и жестокости. Вѣдь, если бы не было этихъ людей, то не только некому было бы насиловать всѣ эти огромныя массы насилуемыхъ людей, но распоряжающіеся никогда и не рѣшились бы не только предписывать, но не смѣли бы и мечтать о томъ, что они теперь съ увѣренностью предписываютъ. Вѣдь, если бы не было этихъ людей готовыхъ по волѣ тѣхъ, кому они подчиняются, истязать, убивать того, кого велятъ, никто никогда не рѣшился бы утверждать то, что съ увѣренностью утверждаютъ всѣ неработающіе землевладѣльцы, а именно, что земля, окружающая мрущихъ отъ безземелья крестьянъ, есть собственность человѣка, не работающаго на неи, и, что мошеннически собранные хлѣбные запасы должны храниться въ цѣлости среди умирающаго съ голода населенія, потому что купцу нужны барыши и т. п. Не будь этихъ людей, готовыхъ по волѣ начальства истязать и убивать всякаго, кого велятъ, не могло бы никогда придти въ голову помѣщику отнять у мужиковъ лѣсъ, ими выращенный, и чиновникамъ считать законнымъ полученіе своихъ жалованій, собираемыхъ съ голоднаго народа, за то, что они угнетаютъ его, не говоря уже о томъ, чтобы казнить, или запирать, или изгонять людей, за то, что они опровергаютъ ложь и проповѣдуютъ истину. Вѣдь все это тре-

буется и дѣлается только потому, что всѣ эти начальствующіе люди несомнѣнно увѣрены, что у нихъ всегда подъ руками покорные люди, готовые привести всякія ихъ требованія въ исполненіе посредствомъ истязаній и убійствъ.

Вѣдь, только отъ того совершаются такія дѣла, какъ тѣ, которыя дѣлали всѣ тираны отъ Наполеона до послѣдняго ротнаго командира, стрѣляющаго въ толпу, что ихъ одуряетъ стоящая за ними власть изъ покорныхъ людей, готовыхъ исполнять все, что имъ прикажутъ. Вся сила, стало быть, въ людяхъ, исполняющихъ своими руками дѣла насилія, въ людяхъ, служащихъ въ полиціи, въ солдатахъ, преимущественно въ солдатахъ, потому что полиція только тогда совершаетъ свои дѣла, когда за нею стоятъ войска.

Такъ что же привело этихъ то, неимѣющихъ отъ этого никакой выгоды, принужденныхъ своими руками дѣлать всѣ эти страшныя дѣла,— добрыхъ людей, отъ которыхъ зависитъ все дѣло, что привело этихъ добрыхъ людей въ то удивительное заблужденіе, при которомъ они увѣрились, что существующій невыгодный и мучительный для нихъ порядокъ и есть тотъ самый порядокъ, который и долженъ существовать?

Кто ввелъ ихъ въ это удивительное заблужденіе?

Не сами же они увѣрили себя въ томъ,

что имъ нужно дѣлать то, что не только мучительно, невыгодно и губительно для нихъ и для всего ихъ сословія, составляющаго девять десятыхъ всего населенія, но и противно ихъ совѣсти.

Какъ же ты будешь убивать людей, когда въ законѣ Божьемъ сказано: не убій?—много разъ спрашивалъ я у различныхъ солдатъ и всегда приводилъ этимъ вопрошаемаго, напоминая ему то, о чемъ онъ хотѣлъ бы не думать, въ неловкое и смущенное положеніе. Онъ зналъ, что есть обязательный законъ Бога: не убій, и зналъ, что есть обязательная военная служба, но никогда не думалъ, что тутъ есть противорѣчіе. Смыслъ робкихъ отвѣтовъ, которые я получалъ на этотъ вопросъ, состоялъ всегда приблизительно въ томъ, что убійство на войнѣ и казнь преступниковъ по распоряженію правительства не включается въ общее запрещеніе убійствъ. Но когда я говорилъ, что такого ограниченія не сдѣлано въ Божьемъ законѣ и упомянулъ объ обязательномъ для всѣхъ христіанскомъ ученіи братства, прощенія обидъ, любви, которыя никакъ не могли согласоваться съ убійствомъ, люди изъ народа обыкновенно соглашались, но уже съ своей стороны задавала мнѣ вопросъ: какимъ же образомъ дѣлается то, спрашивали они, что правительство, которое, по ихъ понятіямъ, не можетъ ошибаться, распоряжается, кегда нужно, войсками, посылая

ихъ на войну и казнями преступниковъ? Когда же я отвѣчалъ на это, что правительство, распоряжаясь такими дѣламп, поступаетъ неправильно, собесѣдникъ приходилъ въ еще большее смущеніе и либо прекращалъ разговоръ, либо раздражался на меня.

„Стало быть, нашли такой законъ. Я, чай, архіереи не хуже нашего знаютъ“, сказалъ мнѣ на это одинъ русскіе солдатъ. И, сказавъ это, солдатъ, очевидно, почувствовалъ себя успокоеннымъ, вполнѣ увѣренный, что руководители его нашли законъ, тотъ самый, по которому служили его предки, служатъ цари, наслѣдники царей и милліоны людей и служитъ онъ самъ, и что то, что я ему говорилъ, была какая нибудь хитрость или тонкость вродѣ загадки.

Всѣ люди нашего христіанскаго міра знаютъ, несомнѣнно знаютъ и по преданію, и по откровенію, и по непререкаемому голосу сввѣсти, что убійство есть одно изъ самыхъ страшныхъ преступленій, которыя только можетъ сдѣлать человѣкъ, какъ это и сказано въ Евангеліи, и что не можетъ быть этотъ грѣхъ убійства ограниченъ извѣстными людьми, т. е. что однихъ людей грѣхъ убить, а другихъ не грѣхъ. Всѣ знаютъ, что если грѣхъ убійства—грѣхъ, то онъ грѣхъ всегда, независимо отъ тѣхъ людей, надъ которыми онъ совершается, какъ грѣхъ прелюбодѣянія, воровства и всякій другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ люди съ дѣтства, съ молоду видятъ,

что убійство не только признается, но благославляется всѣми тѣми, которыхъ они привыкли почитать своими духовными, отъ Бога поставленными руководителями, видятъ, что свѣтскіе руководители ихъ съ спокойной увѣренностью учреждаютъ убійства, носятъ на себѣ, гордясь ими, орудія убійства и отъ всѣхъ требуютъ, во имя закона гражданскаго и даже божескаго, участія въ убійствѣ. Люди видятъ, что тутъ есть какое то противорѣчіе и, не будучи въ силахъ распутать его, невольно предполагаютъ, что противорѣчіе это происходитъ только отъ ихъ незнанія. Самая грубость и очевидность противорѣчія поддерживаетъ ихъ въ этомъ убѣжденіи. Не могутъ они себѣ представить, чтобы просвѣтители ихъ, ученые люди, могли съ такой увѣренностью проповѣдовать два кажущіяся столь противоположными положенія: обязанность для людей христіанскаго закона и убійства. Не можетъ себѣ простой неиспорченный ребенокъ, а потомъ юноша представить, чтобы тѣ люди, такъ высоко стоящіе въ его мнѣніи, которыхъ онъ считаетъ или священными или учеными, для какихъ бы то ни было цѣлей могли бы такъ безсовѣстно обманывать его. А это то самое и сдѣлано и, не переставая, дѣлается надъ нимъ. Дѣлается, въ 1-хъ, тѣмъ, что всѣмъ рабочимъ людямъ, не имѣющимъ времени самимъ разбирать нравственные и религіозные вопросы, съ дѣт-

ства и до старости, примѣромъ и прямымъ поученіемъ внушается, что истязанія и убійства совмѣстимы съ христіанствомъ, и что для извѣстныхъ государственныхъ цѣлей не только могутъ быть допущены, но и должны быть употребляемы истязанія и убійства; во 2-хъ, тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ, отобраннымъ по набору, по воинской повинности или найму, внушается, что совершеніе своими руками истязаній и убійствъ составляетъ священную обязанность и даже доблестный, достойный похвалъ и вознагражденій поступокъ.

Общій обманъ, распространенный на всѣхъ людей, состоитъ въ томъ, что во всѣхъ катехизисахъ или замѣнившихъ ихъ книгахъ, служащихъ теперь обязательному обученію дѣтей, сказано, что насиліе, т. е. истязаніе, заключеніе и казни, равно какъ и убійства на междоусобной или внѣшней войнѣ для поддержанія и защиты существующаго государственнаго устройства (какое бы оно ни было, самодержавное, монархическое, конвентъ, консульство, имперія того или другого Наполеона или Буланже, конституціонная монархія, коммуна или республика), совершенно законны и не противорѣчатъ ни нравственности, ни христіанству.

Въ всѣхъ катехизисахъ или книгахъ, употребляемыхъ въ школахъ, сказано это. И люди такъ увѣряются въ этомъ, что выростаютъ, живутъ и умираютъ въ этомъ убѣжденіи, ни разу не усумнившись въ немъ.

Это одинъ обманъ-общій, обманъ, производимый надъ всѣми людьми; другой есть обманъ частный, производимый надъ отобранными тѣмъ или другимъ способомъ солдатами или полицейскими, исполняющими нужныя для поддержанія и защиты существующаго строя истязанія и убійства.

Въ всѣхъ военныхъ уставахъ сказано тѣми или другими словами то, что сказано въ русскомъ военномъ уставѣ, слѣдующими словами; (§ 87). Точно и безпрекословно исполнять приказанія начальства значитъ: полученное отъ начальства приказаніе въ точности исполнить, не разсуждая о томъ, хорошо оно или нѣтъ, и возможно ли его исполнить. Самъ начальникъ отвѣчаетъ за послѣдствія отданнаго имъ приказанія. (§ 88) Подчиненный не долженъ исполнять приказанія начальника только въ томъ случаѣ, когда онъ ясно видитъ, что исполняя приказанія начальника, онъ,—невольно думаешь, что будетъ сказано: когда ясно видитъ, что, исполняя приказаніе начальника, онъ нарушаетъ законъ Бога. Ничуть не бывало:—*если онъ ясно видитъ, что нарушаетъ присягу, и вѣрность и службу государю.*

Сказано, что человѣкъ, будучи солдатомъ, можетъ и долженъ безъ исключенія совершать всѣ приказанія начальника, состоящія для солдата преимущественно въ убійствѣ, и, слѣдовательно, нарушать всѣ законы божескіе и человѣческіе, но только не свою

вѣрность и службу тому, кто въ данный моментъ случайно находится въ обладаніи властью.

Такъ это сказано въ русскомъ военномъ уставѣ, и точно то же, хотя и другими словами, сказано во всѣхъ военныхъ уставахъ, какъ оно и не можетъ быть иначе, потому что въ сущности на этомъ обманѣ освобожденія людей отъ повиновенія Богу или своей совѣсти и замѣнѣ этого повиновенія повиновеніемъ случайному начальнику, основано все могущество войска и государства.

Такъ вотъ на чемъ основывается та странная увѣренность низшихъ сословій въ томъ, что существующій губительный для нихъ порядокъ есть тотъ самый, который и долженъ быть, и что потому они должны истязаніями и убійствами поддерживать его.

Увѣренность эта основывается на сознательномъ обманѣ, совершаемомъ надъ ними высшими сословіями.

Оно и не можетъ быть иначе. Для того, чтобы заставить низшіе. самые многочисленные классы людей угнетать и мучить самихъ себя, совершая при этомъ поступки, противные своей совѣсти, необходимо было обмануть эти низшіе, самые многочисленные классы. Такъ оно и сдѣлано.

На дняхъ я опять видѣлъ открытое совершеніе этого безстыднаго обмана, и опять удивлялся на то, какъ безпрепятственно и нагло совершается онъ.

Въ началѣ ноября, проѣзжая по Тулѣ, я увидалъ опять у воротъ дома Земской Управы знакомую мнѣ густую толпу народа, изъ которой слышались вмѣстѣ пьяные голоса и жалостный вой матерей и женъ. Это былъ рекрутскій наборъ.

Какъ и всегда, я не могъ проѣхать мимо это зрѣлища; оно притягиваетъ меня къ себѣ какими то злыми чарами. Я опять вошелъ въ толпу, стоялъ, смотрѣлъ, разспрашивалъ и удивлялся на ту безпрепятственность, съ которою совершается это ужаснѣйшее преступленіе среди бѣлаго дня и большого города.

Какъ и всѣ прежніе года, во всѣхъ селахъ и деревняхъ 100-милліонной Россіи къ 1-му ноября старосты отобрали по спискамъ назначенныхъ ребятъ, часто своихъ сыновей и повезли ихъ въ городъ.

Дорогой шло безудержное пьянство, въ которомъ старшіе не мѣшали рекрутамъ, чувствуя, что идти на такое безумное дѣло, на которое они шли, бросая женъ, матерей, отрекаясь отъ всего святого только для того, чтобы сдѣлаться чьими то безсмысленными орудіями убійства, слишкомъ мучительно, если не одурманить себя виномъ.

И вотъ они ѣхали, пьянствовали, ругались, пѣли, дрались, уродовали себя. Ночь они провели на постоялыхъ дворахъ. Утромъ опять опохмѣлились и собрались у Земской Управы.

Одна часть ихъ въ новыхъ полушубкахъ, въ вязанныхъ шарфахъ на шеяхъ, съ влажными пьяными глазами или съ дикими подбадривающими себя криками, или тихіе и унылые толкутся около воротъ между заплаканными матерями и женами, дожидаясь очереди (я засталъ тотъ день, въ который шелъ самый пріемъ, т. е. осмотръ назначенныхъ въ ставку); другая часть въ это время толпится въ прихожей присутствія.

Въ присутствіи же идетъ спѣшная работа. Отворяется дверь и сторожъ вызываетъ Петра Сидорова. Петръ Сидоровъ вздрагиваетъ, крестится и входитъ въ маленькую комнатку съ стеклянною дверью. Въ этой комнаткѣ раздѣваются призываемые. Только что принятый и вышедшій голымъ изъ присутствія рекрутъ, товарищъ Петра Сидорова, съ дрожащей челюстью торопливо одѣвается. Петръ Сидоровъ уже слышалъ и по лицу видитъ, что тотъ принятъ. Петръ Сидоровъ хочетъ спросить, но его торопятъ и велятъ скорѣе раздѣваться. Онъ скидываетъ полушубокъ, нога объ ногу сапоги, снимаетъ жилетъ, перетягиваетъ черезъ голову рубаху и съ выступающими ребрами голый, дрожа тѣломъ и издавая запахъ вина, табаку и пота, босыми ногами входитъ въ присутствіе, не зная, куда дѣть обнаженныя жилистыя руки.

Въ присутствіи виситъ прямо на виду въ большой золотой рамѣ портретъ государя въ мундирѣ съ лентой и въ углу маленькій

портретъ Христа въ рубахѣ и терновомъ вѣнкѣ. По срединѣ комнаты стоитъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ, на которомъ разложены бумаги, и стоитъ треугольная штучка съ орломъ, называемая зерцало. Вокругъ стола сидятъ съ увѣреннымъ, спокойнымъ видомъ начальники. Одинъ куритъ, другой перелистываетъ бумаги. Какъ только Сидоровъ вошелъ, къ нему подходитъ сторожъ, и его ставитъ подъ мѣрку, толкаютъ подъ подбородокъ, поправляютъ его ноги. Подходитъ одинъ съ паппроской—это докторъ и, не глядя въ лицо рекрута, а куда то мимо, гадливо дотрогивается до его тѣла и мѣряетъ, щупаетъ и велитъ сторожу разевать ему ротъ, велитъ дышать, что то говоритъ. Кто то что то записываетъ. Наконецъ, ни разу не взглянувъ ему въ глаза, докторъ говоритъ: „Годенъ! Слѣдующаго!“ и съ усталымъ видомъ садится опять къ столу; опять солдаты толкаютъ малаго, торопятъ его. Онъ кое какъ, поспѣшая, натягиваетъ рубаху, не попадая въ рукава, кое какъ завертываетъ штаны, портянки, надѣваетъ сапоги, и ищетъ шарфъ, шапку; подхватываетъ въ охапку полушубокъ, и его выводятъ въ залу, отгораживая его скамьей. За этой скамьей ждутъ принятые. Такой же какъ онъ, молодой малый изъ деревни, но изъ дальней губерніи, уже готовый солдатъ съ ружьемъ, съ примкнутымъ острымъ штыкомъ караулитъ его, готовый заколоть его,

если бы онъ вздумалъ бѣжать.

Между тѣмъ толпа отцевъ, матереї, женъ, толкаемая городовыми, жмется у воротъ, узнавая, чей принятъ, чей нѣтъ. Выходитъ одинъ забракованный и объявляетъ, что Петруху приняли, и раздается взвизгъ Петрухиной молодайки, для которої это слово: „принятъ“, значитъ, разлука на 4-5 лѣтъ, жизнь солдатки въ кухаркахъ, въ распутствѣ.

Но вотъ по улицѣ проѣхалъ человѣкъ съ длинными волосами и въ особенномъ отличающемся отъ всѣхъ нарядѣ и, соїдя съ дрожекъ, подходитъ къ дому Земскої Управы. Городовые расчищаютъ ему дорогу между толпою. „Пріѣхалъ „батюшка“ приводитъ къ присягѣ“. И вотъ этотъ батюшка, котораго увѣрили, что онъ особенный, исключительный служитель Христа, большей частью не видящій самъ того обмана, подъ которымъ онъ находится, входитъ въ комнату, гдѣ ждутъ принятые, надѣваетъ занавѣску парчевую, выпростываетъ изъ за нея длинные волосы, открываетъ то самое Евангеліе, въ которомъ запрещена клятва, беретъ крестъ, тотъ самый крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ за то, что онъ не дѣлалъ того, что велитъ дѣлать этотъ мнимый его служитель, кладетъ ихъ на аналоі и всѣ эти несчастные, беззащитные и обманутые ребята повторяютъ за нимъ ту ложь, которую онъ смѣло и привычно произноситъ. Онъ читаетъ, а они повторяютъ: „обѣщаюсь

и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ... и т. д., защищать, т. е. убивать всѣхъ тѣхъ, кого мнѣ велятъ, и дѣлать все то, что мнѣ велятъ тѣ люди, которыхъ я не знаю, и которымъ я нуженъ только на то, чтобы совершать тѣ злодѣянія, которыми они держатся въ своемъ положеніи, и которыми угнетаютъ моихъ братьевъ. Всѣ принятые ребята безсмысленно повторяютъ эти дикія слова, и такъ называемый „батюшка“ уѣзжаетъ съ сознаніемъ того, что онъ правильно и добросовѣстно исполнилъ свой долгъ, а всѣ эти обманутые ребята считаютъ, что тѣ нелѣпыя, непонятныя имъ слова, которыя они только что произнесли, теперь, на все время ихъ солдатства, освободили ихъ отъ ихъ человѣческихъ обязанностей и связали ихъ новыми, болѣе обязательными солдатскими обязанностями.

И дѣло это совершается публично, и никто не крикнетъ обманывающимъ и обманутымъ: опомнитесь и разойдитесь, вѣдь это все самая гнусная и коварная ложь, которая губитъ не только ваши тѣла, но и души.

Никто не дѣлаетъ этого; напротивъ, когда всѣхъ приняли и надо выпускать ихъ, какъ бы въ насмѣшку имъ, воинскій начальникъ съ самоувѣренными, величественными пріемами входитъ въ залу, гдѣ заперты обманутые, пьяные ребята, и смѣло по военному кричитъ имъ: здорово, ребята. Поздравляю

съ „царской службой“. И они бѣдные (уже кто то научилъ ихъ) лопочатъ что то непривычнымъ полупьянымъ языкомъ, въ родѣ того, что они этому рады.

Между тѣмъ толпа отцовъ, матерей, женъ стоитъ у дверей и ждетъ. Женщины заплаканными остановившимися глазами смотрятъ на дверь. И вотъ она отворяется и выходятъ, шатаясь и куражась, принятые рекрута: и Петруха, и Ванюха, и Макаръ, стараясь не смотрѣть на своихъ и не видѣть ихъ. Раздается вой матерей и женъ. Одни обнимаются и плачутъ, другіе храбрятся, третьи утѣшаютъ; матери, жены, зная, что онѣ теперь на три, четыре, пять лѣтъ остались сиротами безъ кормильца, воютъ и на голосъ причитаютъ. Отцы мало говорятъ, а только съ сожалѣніемъ чмокаютъ языками и вздыхаютъ, зная, что теперь ужъ не видать имъ выхоленныхъ ими и выученныхъ помощниковъ, а вернутся къ нимъ ужъ не тѣ смирные, работящіе земледѣльцы, какими они были, а большей частью уже развращенные, отвыкшіе отъ простой жизни щеголи-солдаты.

И вотъ вся толпа разсаживается по санямъ и трогается внизъ по улицѣ къ постоялымъ дворамъ и трактирамъ и еще громче раздаются вмѣстѣ, перебивая другъ друга, пѣсни, рыданія, пьяные крики, причитаніе матерей и женъ, звуки гармоніи и ругательства. Всѣ отправляются въ кабаки, трактиры, доходъ съ которыхъ поступаетъ прави-

тельству, и идетъ пьянство, заглушающее въ нихъ чувствуемое сознаніе беззаконности того, что дѣлается надъ ними.

Двѣ-три недѣли они живутъ дома и большею частью гуляютъ, т. е. пьянствуютъ.

Въ назначенный срокъ ихъ собираютъ, сгонятъ какъ скотину въ одно мѣсто и начинаютъ обучать солдатскимъ пріемамъ и ученіямъ. Обучаютъ ихъ этому такіе же, какъ они, но только раньше, года два, три назадъ, обманутые и одичалые люди. Средства обученія: обманы, одуреніе, пинки, водка. И не проходитъ года, какъ душевно здоровые, умные, добрые ребята становятся такими же дикими существами, какъ и ихъ учителя.

— Ну, а если арестантъ—твой отецъ и бѣжитъ, — спросилъ я у одного молодого солдата.

— Могу заколоть штыкомъ,—отвѣчалъ онъ особеннымъ, безсмысленнымъ солдатскимъ голосомъ. А если „удаляется“, долженъ стрѣлять, прибавилъ онъ, очевидно гордясь тѣмъ, что онъ знаетъ, что нужно дѣлать, когда отецъ его станетъ удаляться.

И вотъ когда онъ, добрый молодой человѣкъ, доведенъ до этого состоянія, ниже звѣря, онъ таковъ, какой нуженъ тѣмъ, которые употребляютъ его какъ орудіе насилія. Онъ готовъ: погубленъ человѣкъ и сдѣлано новое орудіе насилія.

И все это совершается каждый годъ, каж-

дую осень, вездѣ по всей Россіи, среди бѣла дня и большого города, на виду у всѣхъ и обманъ такъ искусенъ, такъ хитеръ, что всѣ видятъ его, знаютъ въ глубинѣ души всю гнусность его, всѣ страшныя послѣдствія его, и не могутъ освободиться отъ него.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

-15